

УДК 94(470+571) «1920/...»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-104-113

«СУЩЕСТВУЮЩАЯ СЕТЬ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НЕ В СИЛАХ ВМЕСТИТЬ ВСЕЙ АРМИИ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ...». ДЕТСКИЕ ДОМА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ЛИКВИДАЦИИ БЕСПРИЗОРНОСТИ НА СТАВРОПОЛЬЕ И ТЕРЕКЕ В 1920-Е ГГ.

Маслова О. Б., Линец С. И., Едигарова Г. Н.

Пятигорский государственный университет

357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9. Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть политику советского государства по созданию необходимых условий для социальной защиты детей, ставших беспризорными вследствие социально-экономических и политических потрясений начала XX в., на примере Ставрополья и Терека.

Процедура и методы. Проведён анализ нескольких архивных фондов центрального (ГАРФ) и местного (ГАСК) значения с использованием логического, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического методов с целью выявления типов детских социально-реабилитационных учреждений, благодаря которым решался вопрос ликвидации детской беспризорности.

Результаты. Несмотря на ряд серьёзных трудностей в работе детских учреждений, были определены и сделаны важные позитивные сдвиги. Их главный итог заключался в том, что многие беспризорные дети смогли найти приют, получили затем образование, приобрели трудовые навыки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование знакомит с основными типами детских учреждений и их практическим функционированием на Ставрополье и Тереке. При этом благодаря изучению архивных данных, уделяется внимание особенностям их деятельности в данном регионе, социальному положению воспитанников. Статья представляет интерес для широкого круга научных работников, интересующихся социальной историей.

Ключевые слова: детские учреждения, Ставрополье и Терек, беспризорность, школы-коммуны, приёмно-распределительные пункты, Народный комиссариат просвещения, Народный комиссариат здравоохранения, СПОН

«THE EXISTING NETWORK OF ORPHANAGES IS UNABLE TO HOUSE THE ARMY OF HOMELESS CHILDREN...». ORPHANAGES AS THE MAIN FORM OF LIQUIDATION OF HOMELESSNESS IN THE STAVROPOL AND TEREK REGIONS IN THE 1920S

O. Maslova, S. Linets, G. Edigarova

Pyatigorsk State University

9 Kalinina pr., 357532 Pyatigorsk, Russian Federation

Abstract

Aim. The research uses the data of Stavropolskiy kray and Terek region to define the essence of the Soviet state policy on providing conditions necessary for social protection of children who were orphaned due to socio-economic and political turmoil at the beginning of the 20th century.

Methodology. Several archival funds of the federal (The State Archive of the Russian Federation) and local (The State Archive of Stavropolskiy kray) level were analysed through logical, problem-solving and chronological and comparative-historical methods with the aim of establishing the types of social rehabilitation centres for children which helped to solve the problem of accommodation of homeless children. The main focus of the research is the critical analysis of the condition of orphanages and the position of children on the example of Stavropolskiy kray and Terek region in the 1920s.

Results. The authors come to the conclusion that despite a number of serious difficulties in the work of orphanages, important positive changes were initiated and introduced. Their major effect was that many orphans were able to find shelter then received education and obtained work skills.

Research implications. The research introduces the main types of institutions for children and their practical activities in Stavropolskiy kray and Terek region. Besides, due to the study of the archives, attention is paid to the peculiarities of their activities in the named area and to the social position of their wards.

The article is of interest to a vast array of scientists, interested in social history.

Keywords: institutions for children, Stavropolskiy kray and Terek region, homelessness, communal schools, reception and distribution centre, People's Commissariat for Education, People's Commissariat for Health, social and legal protection of juveniles

Введение

В эпоху тяжёлых лихолетий, когда свирепствовали эпидемии, голод, войны и другие бедствия, в качестве следствия этих катаклизмов остро проявлялась проблема детской беспризорности. В таких условиях рушился семейный уклад и беспризорный ребёнок сразу же включался в уличную борьбу за своё выживание. У малолетних беспризорных в условиях уличной среды, нередко напрямую связанной с криминальными проявлениями, менялась психология, поэтому такие дети нуждались в особом воспитательном подходе. Его гарантировало советское государство с помощью открывающихся детских учреждений, где необходимо было создать такие условия пребывания, которые явились бы для воспитанников стимулом к приобретению и укреплению социальных привычек, а также соответствующей подготовкой к будущей сознательной трудовой жизни.

Очевидно, что общественные потрясения провоцировали детскую беспризорность в разные периоды истории России. Так, к примеру, в России в 1924 г. из 44 991 правонарушителя 3/4 приходилось на несовершеннолетних беспризорников. Если же сравнить эти показатели с довоенным 1913 г., то преступность

несовершеннолетних к началу 1920-х гг. увеличилась более чем в 7 раз [4, с. 61]. Следовательно, социальный кризис в эти годы обострялся, общество криминализировалось. Эти негативные процессы способствовали подрыву внешнего и внутреннего престижа молодой советской республики. В начале 1920-х гг. беспризорные дети составляли более 6% от всего населения РСФСР. Согласно официальной статистике их было от 5,5 до 7 млн человек¹. В эти годы в советской России детская беспризорность приобрела поистине катастрофические размеры [6, с. 134].

Общая характеристика детских учреждений в начале 1920-х гг.

Рассмотрим основные типы детских учреждений, существовавших в стране в это время.

По мнению представителей советской власти, воспитание в семье было направлено исключительно на личные интересы детей. В качестве альтернативы семье новая власть рассматривала детские дома. Было принято решение, что для формирования и всестороннего развития нового человека, истинного пролетария,

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 5443. Оп. 26. Д. 24. Л. 50.

необходимы детские учреждения, которые смогут дать ребёнку намного больше. Они же должны были стать главным средством для того, чтобы уничтожить массовую детскую беспризорность.

Основная работа с беспризорными детьми в 1920–1930 гг. была сосредоточена в стационарных заведениях следующих видов:

- дошкольные детские дома;
- детские дома для учащихся;
- детские дома с профессиональным обучением;
- трудовые колонии и трудовые коммуны для трудновоспитуемых детей, находившиеся в ведении органов НКВД и ОГПУ;
- детские дома лечебного и полулечебного типа;
- детские дома для физически дефективных детей и подростков.

В целях оказания первичной помощи и распределения беспризорных детей по типовым учреждениям были созданы приёмники-распределители. В течение 1–4-х месяцев ребёнок находился в приёмнике, и за ним наблюдали различные специалисты [3]. Детям предоставлялись кров и пища, оказывалась медицинская помощь, прививались элементарные санитарно-гигиенические навыки, выявлялись интересы и способности, проводилось медико-психологическое исследование, здесь их готовили к переводу в стационарные заведения, устраивали на производство или помогали найти родных и вернуться в семью.

Детские дома нормального типа делились в соответствии с возрастом детей: в дошкольные принимали детей с 3 лет, с 8 лет – в дома школьного возраста. Но на практике в зависимости от состава детей, местных условий и возможностей региональных властей были и смешанные дома, где содержались дети как дошкольного, так и школьного возраста.

Главным направлением в работе детских домов того времени являлся общественно-полезный труд, трудовая под-

готовка детей к самостоятельной жизни. Внутренняя жизнь учреждений основывалась на принципах самоуправления, самодеятельности и самообслуживания, которые охватывали все сферы жизни воспитанников. В детском доме отводилось время на учёбу, труд и досуг. Распорядок дня способствовал соблюдению режима и дисциплины, регламентировал время воспитанников до малейших деталей от подъёма до отбоя ко сну.

Воспитанники школьного возраста (8–15 лет) посещали городские школы, после учебных занятий работали в мастерских. Как правило, эти мастерские обслуживали само учреждение и иногда выполняли небольшие заказы на продажу. Профиль мастерских зависел от профиля промышленных предприятий региона, в котором находилось детское учебное заведение. Трудовые навыки воспитанники получали не только в мастерских, некоторые школы-коммуны имели сельскохозяйственный уклон.

Среди беспризорников было много детей, получивших увечья в годы Гражданской войны, страдавших тяжёлыми формами различных заболеваний, в т. ч. и умственно неполноценных. Для таких детей были организованы специализированные заведения, куда беспризорники попадали на основе решения комиссии по дефективности. В воспитательную работу таких детей также входили учебные и досуговые занятия, но основной была практика трудового воспитания. Ребенку вне зависимости от его «дефекта» необходимо было дать подготовку к работе на современном производстве.

Кроме того существовали учреждения со строгим режимом педагогического характера – детские колонии, предназначенные для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. В такие заведения распределялись осуждённые или находящиеся под следствием подростки не старше 16–17 лет. Срок пребывания зависел от характера и тяжести совершённого преступления. После его окончания

воспитанники переводились в дома разного типа или уезжали на родину.

Детские учреждения находились в основном в ведении Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата здравоохранения, НКВД и их местных органов, а также подотчётных им ведомств и организациях, часто дублирующих свои функции. Например, при Наркомпросе находился отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), в чьи обязанности также входило решение всех вопросов охраны и устройства осиротевших и беспризорных детей.

В детских домах в основном воспитывались дети, у которых не было родителей. В 1925 г. декретом СНК и ВЦИК было разрешено брать в эти учреждения и детей пролетариев, но на коммерческой основе и не более 10%. Это решение было обусловлено желанием новой власти укрепить материальное положение воспитательных учреждений¹.

Социальная обстановка в Ставропольской и Терской губерниях в 1920-х гг.

В условиях голода в начале 1920-х гг. в целях обеспечения детей питанием за государственный счёт в детские дома принимались дети всех трудящихся. На государственный паёк были переведены и детские учреждения Ставропольской и Терской губерний.

В среднем каждому ребёнку закрытого детского учреждения страны в сутки полагалось 200–300 г хлеба, 300–400 г картофеля, около 100 г мяса или рыбы, 100 г крупы, по 12 г соли и сахара. В некоторых губерниях в продовольственную норму входило также 20 яиц в месяц, 1 стакан молока в день и около 200 г овощей. Однако на практике положенный по норме суточный паёк выдавали лишь в некоторых показательных детских учреждениях. В апреле 1921 г. Деткомис-

сия доложила Президиуму ВЦИК, что питание детей состоит исключительно из мёрзлого картофеля или хлеба, т. е. они ведут полуголодное существование. Крайне редко на столы в детских домах попадали сахар, масло и мясо. Белый хлеб и овощи в большинстве из них отсутствовали вовсе [5, с. 12]. Следовательно, несмотря на то, что Ставрополье и Терек являлись сельскохозяйственными районами, в условиях нарастающего голода и здесь дети испытывали острую нехватку продуктов питания.

В 1920–1921 гг. большая часть казачьего населения Терской губернии, не признавая советскую власть, была насильно переселена в другие районы Северного Кавказа. Депортации подвергались даже семьи, в которых числились служившие в армии красноармейцы. Жители 9 казачьих станиц с населением около 30 тыс. человек были размещены в Затеречной части Терской области и в Свято-Крестовском уезде Ставропольской губернии. Их земли были заброшены или заселены чеченцами и ингушами, мечтавшими о возвращении земель своих предков.

Депортация совпала с начавшимся массовым голодом в стране, затронувшим земледельческие районы Ставрополья и Терека. Улицы городов Кавказа и продуктовые рынки заполнились толпами измученных и голодных людей, в числе которых было немало детей.

По сведениям губернской комиссии помощи голодающим, ещё в конце 1921 г. на Ставрополье насчитывалось 216,8 тыс. голодающих, но через 5 месяцев их число увеличилось почти в 3 раза – до 641 тыс. человек, что составляло 2/3 населения, проживавшего тогда в губернии. Положение Терской губернии, Кубано-Черноморской области, Горской республики, Кабарды и Дагестана было не лучше положения Ставропольской губернии [9, с. 95]. Об этом говорилось на заседании Краевого экономического совета в июне 1922 г. Именно зерновые районы каза-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 76. Ст. 589.

чих земель, кормившие многие города страны и края, были покинуты и заброшены, сами же горцы эту землю не обрабатывали, даже засеянные поля были вытоптаны стадами овец.

Решение о приостановлении выселения казаков за пределы Горской республики было принято Президиумом ВЦИК только в январе 1921 г. Депортированные казачьи семьи, а также крестьяне Ставрополя вынуждены были оставлять своих детей у дверей детских учреждений в надежде на их бесплатное пропитание. Местным органам власти необходимо было предоставить приют и для массы беспризорных, хлынувших со всех концов страны на Северный Кавказ в поисках тепла и хлеба. В 1921–1922 гг. число таких детей составляло от 40 до 50 тыс. человек. Эти цифры не являлись точными из-за постоянной миграции несовершеннолетних, которые то оседали в детских домах, то убегали из них. Но в целом они соответствуют данным многих документов и отчётов местных органов власти, которые вынуждены были принимать меры по спасению детей от голода и возросшей в связи с этим беспризорностью. В этих же целях использовались и заградительные отряды, чтобы не дать возможности проникнуть вглубь региона мигрирующим по железной дороге беспризорникам.

Поставки продуктов питания в детские учреждения Терской губернии были незначительными. Ввиду этого на одного ребёнка в детских учреждениях в Пятигорском, Георгиевском, Моздокском и Прикумском уездах к июню 1922 г. (детей было 3 728 чел.) в среднем приходилось всего 3/5 пайка¹. В рационе питания, предназначенном для детей, в основном были мороженный картофель и некачественная крупа. К зиме 1922 г. положение стало ещё более тяжёлым, т. к. количество выделяемых советским государством детских пайков постоянно сокращалось,

а, численность сирот и брошенных детей росла.

Краевая газета «Власть Советов» свидетельствовала о том, в каком состоянии находились детские дома Ставрополя. Дети в них были очень худыми, голодными, истощёнными, часто без верхней одежды. Они грелись под солнечными лучами, сидя под стенами дома, не в силах даже бегать и играть. Так описывали районный детский дом с. Винодельного, в котором воспитывалось 120 человек².

Условия существования детей носили удручающий и очень тяжёлый характер. Это явление наблюдалось повсеместно. И было выявлено соответствующей детской комиссией при ВЦИК после того, как она обследовала детские учреждения республики [2, с. 82].

Дети в детском доме с. Михайловское из-за очень сильного истощения были похожи на живые трупы. По словам заведующей детским домом, дети приходили в учреждение практически без одежды.

Первоначально в условиях голода и возраставшей беспризорности сеть детских учреждений расширялась: создавались новые детские дома, трудовые колонии, приёмники-распределители и т. п. В 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4 052 детских дома, в 1922 г. их было уже 6 412³. В первую очередь этот рост объяснялся необходимостью размещения детей из голодающих губерний Поволжья.

Если к началу 1921 г. в Ставропольской губернии было около 40 детских учреждений, то через год их число увеличилось до 150, в которых содержалось порядка 12 490 детей⁴. Больше всего от голода в это время пострадали Благодаренский и Медвеженский уезды, поэтому здесь детских домов было особенно много.

Статистические данные по Тереку за 1921–1922 гг. свидетельствуют, что в гу-

¹ Обзор народного образования на Терек // Хозяйство Терка. Пятигорск, 1923. № 2-3. С. 53.

² Власть Советов. 1923. № 1034.

³ Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921–1925 гг. М., 1926. С. 24–25.

⁴ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 67. Л. 38.

бернии насчитывалось более 70 детдомов и школ-коммун, в которых на содержании находилось 6 500 детей¹. Затем, к началу 1923 г., когда пик голода спал, в таких уездах, как Пятигорский, Георгиевский, Моздокский, Прикумский число детей в детских учреждениях быстро пошло на спад.

Дети искали сытую жизнь и стекались на курорт в Минеральные Воды из голодающих губерний. Наблюдательно-распределительный пункт в этом городе отличался тем, что дети воровали и бродяжничали. Из-за отсутствия верхней одежды некоторые подростки были одеты в женские халаты с короткими рукавами, не пригодными для холодного времени года. Почти ни у кого из детей не было обуви². В 1922 г. Терский Губернский отдел народного образования провёл обследование детских домов и выявил массу проблем. Учебно-воспитательная работа отсутствовала полностью. Остро ощущалась нехватка опытных педагогов и квалифицированных кадров. Из детских домов увольняли «старые» кадры – такую, недалёковидную политику в начале 20-х гг. проводил Наркомпрос.

При детских домах существовали мастерские. Им должны были в первую очередь давать заказы учреждения, которые носили профессиональный и государственный характер. Это делалось для того, чтобы повысить сбыт и производительность труда в детских домах. В планах было перевести детские учреждения на положение самостоятельного хозяйственного субъекта. Для этого их организовывали по типу трудовой коммуны³.

Для дореволюционного времени такая система детских приютов также была характерна. Переплётные, швейные, сапожные и столярные мастерские были организованы при детских домах, чтобы приобщать в них к труду детей

старшего возраста. Готовили еду, стирали и убирали дети младшего возраста, таким образом, обслуживая существующие хозяйственные нужды. На трудовой деятельности воспитанников, которая носила коллективно-организованный и общественно-полезный характер, благотворно сказывалась воспитательная и общественная работа, которую должен был обеспечивать персонал [1, с. 6]. Однако такая работа проводилась далеко не во всех детских учреждениях, и поэтому нередко детей в возрасте 12–18 лет характеризовали как невежественных и грубых⁴.

Случаи цинги, венерических заболеваний встречались среди воспитанников детских домов Ставрополья. Также были распространены глазные и кожные болезни, туберкулез и трахома. Это было обнаружено при ревизии детских учреждений. Дети болели различными инфекционными заболеваниями, потому что медицинская помощь отсутствовала, квалифицированных педагогических работников не хватало. Наркомпрос при этом настаивал на привлечении к работе политически сознательных, партийных кадров. Оплата труда работников детских домов в сёлах и волостях была ниже 8 руб. (примерно такая зарплата была у школьных преподавателей 1 и 2 ступеней). Труд технического персонала в детских домах практически не оплачивался. Поэтому помещения и классы были не убраны, холодны и разбиты. Дети обычно ютились в одной комнате, где питались и играли. Кроватей и постельных принадлежностей на всех не хватало. Спали на полу, укрываясь лохмотьями.

Состояние детских учреждений Ставропольского и Терского округов в 1920-х гг.

К середине 1920-х гг. с переводом детских учреждений на местный бюджет их число стало резко сокращаться. Это

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.

² Отчёт Терского Губернского экономического совещания Совета труда и обороны. Пятигорск, 1922. С. 108.

³ Сборник по народному образованию на Терке. № 1. Пятигорск, 1925. С. 72.

⁴ Коммунистический путь. № 5-6. Ежемесячник Терского Губернского Комитета РКП (б). Пятигорск, 1922. С. 29.

прослеживалось и на примере наших регионов. Если в 1922–1923 гг. их было около 150, то к 1924 г. их осталось 36 (3 693 воспитанника по Ставропольской губернии)¹. Например, в 1924–1925 гг. в Тверской губернии функционировало 29 детдомов. Годом раньше их было 34, а в 1922 г. их было почти в 2 раза больше. Сокращение проводилось за счёт укрупнения и разгрузки детдомов от детей, имевших родственников². Содержание огромного числа детских учреждений оказалось для государства не под силу.

На реальное число детей, которые нуждались в детском доме, вновь не хватало средств по нормативам Наркомпроса. Поэтому решено было число воспитанников сократить. Это решение было вынесено в январе 1925 г. на заседании Ставропольского областного ОНО.

Улучшить положение детских домов (питание, оборудование, инвентарь, одежда) позволило их прикрепление к общественным организациям. Более 40 тыс. детей страны содержал Крестьянский комитет общественной взаимопомощи. Более 150 тыс. детей поддерживали в детских учреждениях профсоюзные комитеты³. Более 11 тыс. детей в гражданских учреждениях содержались за счёт Красной армии. Помимо них ещё 12 тыс. воспитанников находилось в специализированных детских домах, об открытии которых также позаботилась Красная армия в начале 1920-х гг.⁴. Различные учреждения и предприятия, а также войсковые части и профсоюзы брали шефство над детскими учреждениями.

В губернских центрах Терека и Ставрополя 6 школ-коммун, 1 распределительный пункт, 1 дошкольный дом г. Пятигорска были на содержании у Губернского продуктового комитета, Политотдела и других организаций.

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

³ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.

⁴ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 50.

В 1926–1928 гг. количество детских домов продолжает сокращаться. В частности, об этом идёт речь в Положении «О мероприятиях по борьбе с беспризорностью в РСФСР» от 8 марта 1926 г., где предлагалось обеспечить необходимую разгрузку с целью увеличения их пропускной способности [8, с. 45]. С января по сентябрь 1926 г. в РСФСР из детских домов вышли более 25 тыс. воспитанников. И только около 10 тыс. были приняты на их места.

Но число беспризорных детей при этом почти не уменьшалось. В целом к 1928 г. число воспитанников детских учреждений составило около 92 тыс. человек, тогда как на год ранее их было не менее 158 тыс., а ещё годом ранее – 177 тыс.⁵. Расходы на содержание воспитанников детских учреждений сократились пропорционально сокращению их числа.

От показателей в целом по республике почти не отличалось положение детских учреждений в Ставрополе и Тереке. Воспитанники нуждались в воде, питании, одежде, ремонте помещений. Об этом свидетельствуют отчёты Деткомиссии, которые подчёркивают сложное материальное положение детских воспитательных учреждений. Это значит, что по сравнению с предшествующим периодом внутреннее состояние детских учреждений закрытого типа практически не претерпело изменений. В отличие от Москвы и других крупных городов республики борьба с детской и подростковой беспризорностью на местах приобретала форму небрежности со стороны властей и пассивности со стороны общественности. Зачастую точные данные по учёту нуждающихся отсутствовали или носили противоречивый характер.

Над детской беспризорностью можно было одержать верх уже в этот период, если количество детских домов, которые содержали местные бюджеты, не было сокращено. Этот момент нашёл свое отражение в документации ДТК при ВЦИК.

⁵ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 315. Л. 21.

Но масштабы беспризорности увеличивались вследствие голода и переселений.

Данные по Терскому округу таковы: если в 1925–1926 гг. существовало 22 детских дома с 1 404 воспитанниками, то в 1926–1927 гг. их было уже 18 с 1 077 детьми, примерно такое же число оставалось и к 1928 г.¹ В Ставропольском округе за 1926–1928 гг. количество детских учреждений существенно не изменилось, в 1925–1926 гг. их насчитывалось 26 с 5 763 воспитанниками. Дальнейшее сокращение сети детских домов на местах объяснялось главным образом финансовыми трудностями.

На правительственном уровне принимались решения, направленные на усиление материально-финансового положения учебных заведений средств. Так, в 1927–1928 гг. государством было выделено 14 млн руб. на ликвидацию беспризорности. Отмечался значительный рост дотаций из центра и на содержание 1 воспитанника детского дома: 210 руб. в год против 197 руб. 03 коп. в 1925 г.²

Несмотря на проблемы рассматриваемого периода, многие беспризорные дети смогли получить трудовые навыки и образование, а также найти приют вопреки тому, что в детских домах было трудно существовать. Этому даже не помешал тот факт, что число детских домов значительно сократилось.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что работа детских учреждений для беспризорников в первое десятилетие советской власти была подчинена главной задаче – непосредственной борьбе с беспризорностью несовершеннолетних. На Северном Кавказе в 1920-е гг. существовали практически все типы учреждений для нуждавшихся в помощи детей, т. к. в регион массово хлынули сироты в поисках тепла и хлеба. Несмотря на сокращение детских учреждений и сложные условия существования в них, многие беспризорные дети нашли приют, получили образование и трудовые навыки.

Многие выпускники детских домов в счёт брони были определены на производство. Их распределяли в школы рабочих подростков, ученичества сельскохозяйственной направленности, в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Эти процессы регулировались декретом ВЦИК и СНК, который был принят в сентябре 1925 г. Это говорит о том, что ситуация претерпела изменения в лучшую сторону с середины 1920-х гг., ведь ещё в начале этого периода судьбой выпускников никто не интересовался: часто они оказывались без жилья, работы и материальной поддержки [7, с. 87].

Статья поступила в редакцию 12.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунина И. Р. Мотивация социального поведения в разные эпохи и на разных этапах детства // Мир психологии. 2006. № 1. С. 116–132.
2. Базаров А. Сирота Страны Советов // Родина. 2003. № 3. С. 82–85.
3. Гладыш С. Дети большой беды. М.: Звонница, 2004. 432 с.
4. Куфаев В. И. Беспризорные и правонарушители в 1924 году // Народное просвещение. 1924. № 9–10. С. 61–63.
5. Маслова О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в советской России в 1920-е гг. (на материалах Ставрополя и Терека): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 26 с.
6. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134–136.
7. Славко А. А. История беспризорного и безнадзорного детства в России: конец 1920-х – начало 1950-х гг. Чебоксары, 2012. 400 с.

¹ ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГАРФ. Ф.Р. 5207. Оп. 1. Д. 393. Л. 16.

8. Смирнова Н. В. Борьба с беспризорностью несовершеннолетних: из истории деятельности народного комиссариата путей сообщения // История государства и права. 2006. № 4. С. 18–22.
9. Чернопицкий П. Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920–1929 гг. Ростов-на-Дону, 1987. 230 с.

REFERENCES

1. Altunina I. R. [Motivation of social behavior in different eras and at different stages of childhood]. In: *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2006, no. 1, pp. 116–132.
2. Bazarov A. [Orphan of the Land of Soviets]. In: *Rodina* [Homeland], 2003, no. 3, pp. 82–85.
3. Gladyshev S. *Deti bolshoi bedy* [Children of great trouble]. Moscow, Zvonitsa Publ., 2004. 432 p.
4. Kufayev V. I. [Homeless and delinquent in 1924]. In: *Narodnoe prosveshchenie* [Public education], 1924, no. 9–10, pp. 61–63.
5. Maslova O. B. *Likvidatsiya massovoi detskoj besprizornosti v sovetskoj Rossii v 1920-e gg. (na materialakh Stavropolya i Tereka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Elimination of mass child homelessness in Soviet Russia in the 1920s. (based on materials from Stavropol and Terek): PhD thesis in History sciences]. Pyatigorsk, 2010. 26 p.
6. Rozhkov A. Yu. [Fighting homelessness in the first Soviet decade]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2000, no. 1, pp. 134–136.
7. Slavko A. A. *Istoriya besprizornogo i beznadzornogo detstva v Rossii: konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg* [The history of homeless and neglected childhood in Russia: late 1920s – early 1950s]. Cheboksary, 2012. 400 p.
8. Smirnova N. V. [The fight against homelessness of minors: from the history of the activities of the People's Commissariat of Transport]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2006, no. 4, pp. 18–22.
9. Chernopitsky P. G. *Derevnya Severo-Kavkazskogo kraja v 1920–1929 gg.* [Village of the North Caucasian Territory in 1920–1929]. Rostov-on-Don, 1987. 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

e-mail: maslova69olga@yandex.ru

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

e-mail: linets-history@yandex.ru

Едигарова Гаяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

e-mail: gayana-edigarova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga B. Maslova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University;

e-mail: maslova69olga@yandex.ru

Sergey I. Linets – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University;

e-mail: linets-history@yandex.ru

Gayane N. Edigarova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University;

e-mail: gayana-edigarova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслова О. Б., Линец С. И., Едигарова Г. Н. «Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей...». Детские дома, как основная форма ликвидации беспризорности на Ставрополье и Тереке в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 104–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-104-113

FOR CITATION

Maslova O. B., Linets S. I., Edigarova G. N. «The existing network of orphanages is unable to house the army of homeless children...». Orphanages as the main form of liquidation of homelessness in the Stavropol and Terek regions in the 1920s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 104–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-104-113